

вать Вас, что фирма «Энтертаймент корпорейшн лтд» начала регистрацию торгового знака «Большой» в различных странах мира. (Что значит материальная заинтересованность! — А. П.). По сведениям международного патентного бюро в Швейцарии, эта английская фирма на сегодня старается глупить торговый знак «Большой» по следующим видам производства: одежда всех видов, полиграфия всех видов, косметика всех видов, реклама и спонсорство всех видов, видео- и диафильмы всех видов. Известно, что фирма «Энтертаймент» не имеет никаких производственных мощностей, — говорится в письме далее. — Англичане будут продавать третьим фирмам лицензии на использование слова «Большой», оставляя за собой монопольное право распоряжаться этим знаком и словом...»

«Сегодня еще не поздно остановить этот абсурд», — пишет генеральному директору ГАБТ, председателю правления СП «БТ — Мастер», члену номинально существующего советско-английского консорциума В. М. Коконину руководитель западногерманской фирмы «Кавказик». Никакого ответа. В лучшем случае рекомендации типа: «Не лезьте! Не трогать!»

А тем временем в соответствии с пунктом пятым, подпункт «а» первого варианта соглашения о консорциуме на улице Пушкинской оборудуется «квартира бесплатно для консорциума в Москве, включая телефоны». В свою очередь со стороны фирмы в соответствии с пунктом шестым, подпункт «з» в столицу нашей Родины была отгружена автомашина марки «Вольво» для советских членов консорциума. В дороге, правда, ее малость помяли, но вроде бы уже нашли, где жестяные работы будут выполнены качественно... П. Брайтман надежды не оставил. Помните: «...мы близки к подписанием...»?

ИСТОРИЯ не только длинная, неоконченная, но и действительно грязная. Хотя бы уже по одному тому факту, что имя Большого театра не без «медвежьих услуг» мистера П. Брайтмана начали склонять в каких-то там международных судах. Помните? Не привычно рукоплещать и восхищаться талантом и мастерством артистов, а заниматься пересудами: русские хотят заработать, ха-ха, кто же на искусство деньги делает? Эдакое международное шушу-шу поползло по белу свету.

О негативном отзыве внешнеэкономического объединения «Союзпатент» в связи с заключением соглашения о консорциуме были сообщения в прессе. Мы связались с генеральным директором объединения М. А. Городисским. По его твердо-убежденно, для театра коммерчески было бы гораздо выгоднее самому или при помощи созданной при нем фирмы выдавать лицензии на использование собственного товарного знака. При этом «Союзпатент» уж как-нибудь помог бы театру создать эффективную систему контроля защиты интересов ГАБТ за рубежом.

Начальник отдела объединения Н. К. Попелевский не скрывал досады от беспочвенного пренебрежительного отношения к отечественным юридическим службам и той поспешности, с которой руководство театра и Госконцерта подписало под документом (первым вариантом), содержащим положения, просто невыгодные Большому театру.

— Дирекция театра, — вырвалось у него в сердцах, — показыва нас, русских, как больших лопухов. Вместо того, чтобы создать собственную фирму, зарегистрировать свой торговый знак и торговать, чем хочешь, мы снова попадаем в унизительную зависимость от заморского дяди...

МЫ МНОГО последнее время говорим: финансирование культуры велось по остаточному принципу. И мало кто представляет себе, а что это собственно такое. В чем конкретно сказываются последствия этого самого остаточного принципа? Кризис в кинематографе и театре, развал библиотечного дела, поголовное хамство и бескультурье не только на улице, но и в храмах культуры и искусства, безвкусица и пошлость с телеэкрана, лутаница, фальшь, откровенная ложь, выдаваемая за достоверную информацию, со страниц многочисленных бойких изданий, резкое падение образовательного уровня, безграмотность, полное отсутствие путей реализации заложенных в человеке возможностей

— конечно, все это признаки остаточного принципа материальных затрат на культуру. К ужасу своему, мы с этим свыклись, стерпелись и не замечаем, вроде бы это уже стало нормой жизни.

А где-то на периферии нашего сознания тлеет утешительная мысль, что вот все же нас еще признают на разных там международных конкурсах и фестивалях; фильмы наши получают призы, ученые и писатели ездят, встречаются, выступают. Ну и потом, не забывайте, у нас есть Большой театр. В случае чего, как мы свой Большой выставим, так все увидят, на что мы еще способны. Увы, увы, увы...

Именно в качестве некоей неразменной, всегда выигрывающей карты наш прославленный театр используется уже не одно десятилетие. И давно не за свое исполнительское искусство — это само собой разумеется — он ценится в сознании государственных мужей, а лишь как средство добывания пресловутой твердой валюты.

Тот же В. М. Коконин на открытом собрании партийной организации театра не так давно докладывал, что театр зарабатывает довольно большие деньги от своих зарубежных гастролей — около 2 миллионов инвалютных рублей, или 1,8 (?) миллиона долларов ежегодно. (И это, заметьте, при средней интенсивности выездов артистов театра за рубеж.) Но эта сумма через Госконцерт уходит в госбюджет, и театру от нее ничего не переладают. Больше того, театр находится на крупной государственной дотации. А тут появляется «добрый дядя», который берется уладить все финансовые дела, обещает купить инструменты для оркестра, дорогие концертные рояли, всем сотрудникам чуть ли не бесплатно обещает по телевизору, а то и по автомобилю... Ну не сказка ли это? Показательно, что на встрече с коллективом театра 27 февраля присутствовали всего 87 человек, из них только тридцать творческих работников из тысячи. Именно они, кто имеет возможность выезжать за рубеж, предельно индифферентно реагировали на информацию директора о создании консорциума: «Ну создали и создали, чего обсуждать-то, будет театру лучше от такого сотрудничества — отлично. Давайте расходиться...»

— Планомерно в течение последних пяти лет уничтожается генофонд нашего исполнительского искусства, — выступает в разговор секретарь парткома театра народный артист РСФСР Ю. А. Григорьев. — Взгляните на мартовскую афишу: съемки балета, концерты хореографического училища, целевые мероприятия и спектакли. Москвичи вправе спросить: существует ли Большой театр? И если существует, то для кого? Чтобы заключить соглашение о консорциуме, от театра под благоприятным, точнее, под неблагоприятным, предлогом был отделен Кремлевский Дворец съездов, а это шесть тысяч зрительских мест. Хотя было сделано множество заверений, что количество спектаклей театра в КДС не уменьшится. Эти заверения давали и товарищ Захаров В. Г., и товарищ Зайков А. Н., и товарищ Прокофьев Ю. А. Но, как всегда у нас, — главное пообещать, а до исполнения «руки не доходят»...

А пока соглашение действует, П. Брайтман будет обогащаться за счет труда актеров, как говорят, въезжать в рай на чужом горбу.

Не о консорциуме надо думать руководителям театра, а о том, как сохранить театр — не «коробку» с колоннами и квадригой по фронтому, а нашу гордость, нашу славу, цитадель русской культуры!

Большой театр нужно спасти немедленно — единое мнение всех, с кем удалось встретиться.

И еще. Это «недоказуемое» ощущение — кто-то стоит за всем этим делом, кто-то подталкивает, подсаживает, «стимулирует» — появилось у меня, как только я приступил к сбору материала, и это ощущение усиливалось, крепло по мере «погружения». Так и читались чьи-то тайные рассуждения: мол, соглашение о консорциуме — это ерунда, пустяки, мелочь, главное — сорвать крупный куш в результате этой сделки, а там можно и на пенсию с почетом уйти...

Поскольку не у одного меня было подобное ощущение, приведу определение профессионала, поразившее своей unequivocal точностью. Характеризуя упорную возню по созданию консорциума, с товарным знаком и т. д., этот многоопытный юрист сказал: «Здесь чьи-то личные интересы заметно превышают интересы Большого театра».

Точнее пока не скажешь.

Алексей ПОЗИН,
редактор отдела культуры
«Литературной России»